

Учебка. Начало

В конце недельного житья в спортзале нас однажды, уже поздним вечером, когда все укладывались спать, подняли и под проливным дождём стали рассаживать по машинам.

Мы поняли, что наконец-то везут к настоящему месту службы-учёбы. И действительно, нас привезли на плац той самой гайжюнайской учебки, построили, и «сваты» стали разбирать бойцов по подразделениям. Выглядело это так. Кто-то из сержантов кричал: «А кто хочет в операторы-наводчики ПТУРС?» Что такое ПТУРСы, мы с Костиком не знали. Как потом оказалось, расшифровывается очень просто: противотанковые управляемые реактивные снаряды. Но почему-то нам это не казалось столь романтичным, как просто крылатая пехота. Также кричали про механиков-водителей; интересовались, нет ли артистов, потому что одна рота специализировалась как певческая; интересовались, нет ли у кого разряда по какому-либо виду спорта. Костик хотел сказать, что вообще-то у него первый разряд по мотогонкам, но так как у меня никакого разряда не было, а мы уже не мыслили себе службы друг без друга, то он промолчал.

Нас в строю под проливным дождём становилось всё меньше. Костик уже порывался на каждый призыв тащить меня туда, а я как чувствовал, говорил: «Это всё не то, давай ещё подождём». И вдруг появился невысокий, коренастый человек с залысиной на лбу, причём это было видно даже

из-под шапки – это был Миша Шуманский, наш будущий старшина. Ему исполнилось 28 лет. Его призвали служить, когда ему было 26 – ещё год, и он никогда бы не попал в армию. Видимо, в силу своего возраста да и той работы, которой он занимался на гражданке, он был неплохим психологом, поэтому Михаил Шуманский, гвардии старшина ВДВ, гаркнул очень характерным голосом на весь плац следующее: «А кто, салаги, не сдрейфит пойти в морской десант?» – «Морской десант? А что это?» – крикнул я. Миша ответил: «В обычном десанте бывают ночные прыжки – это всё туфта, морской десант прыгает ночью в 5-балльный шторм на море».

Уже попав в ВДВ, понимая, что это круто, я почувствовал, что может быть ещё круче. Мы переглянулись с Костином и, не сказав друг другу ни слова, шагнули вперёд. Так мы попали во вторую роту первого батальона обычных десантников, или «курков», – крылатой пехоты, как о десанниках пишут в газетах. Никакой это был не морской десант, просто Шуманский не хотел, чтобы среди его подопечных были отказчики. И если уже гипотетически призвник не боялся прыгнуть ночью в 5-балльный шторм в открытое море, то уж днём с высоты 800 метров прыжок с Ан-2 точно не побоится сделать. Он оказался прав: именно в нашей роте не было ни одного отказчика. И вот началась служба.

Первый прыжок

Уже через три недели после начала учёбы мы приступили к изучению материальной части. Тогда в десанте боевым был парашют, который назывался Д-1–8 серии 3. Мы узнали, что ткань, из которой шьют купола, называется перкаль. Узнали, что изобретателем парашюта был русский актёр Котельников, причём он действительно был актёром, но очень увлекался авиацией, и, когда на его глазах во время показательных полётов, ещё перед Первой мировой войной, один из лётчиков, делая «мёртвую петлю» (петля Нестерова), просто выпал из кабины и, камнем ринувшись вниз, разбился о землю, он понял, что нужно что-то придумать, чтобы лётчики могли спастись.

Первая его идея была заложить свёрнутый купол в шлем на голове лётчика, но, проведя самые первые испытания (видимо, с крыши дома), он понял, что в результате динамического удара (это когда купол раскрывается и падающее тело резко тормозится, причём это реально происходит в виде мощного рывка) может просто голову оторвать или как минимум сломать все шейные позвонки. И тогда Котельников придумал ранец и подвесную систему. Собственно говоря, все современные парашюты, даже очень продвинутые, в своей основе имеют именно эти гениальные инженерные разработки русского актёра Котельникова. Этот смелый человек, создав первый парашют, сам же его неоднократно испытывал.

Кстати, в предыдущем учебном периоде, то есть с мая по ноябрь, произошёл трагический случай. У курсантов был первый прыжок, и один из них приземлился без сознания, но почему-то все решили, что он от волнения потерял сознание, видимо, его как следует медики не проверили. И на втором прыжке он вновь потерял сознание, а у него что-то было с сосудами головного мозга, и от перепада давления он просто «отключался», прибор не сработал, и курсант разбился. И тогда для нас (и вообще была команда по ВДВ) решили ставить два прибора.

И вот наступила прыжковая неделя.

Рота должна была прыгать во вторник, а до этого, в воскресенье, рота заступила дежурной по части. Нашему взводу досталась столовая, а в частности моему отделению – «музыкальный цех» – так мы называли посудомойку. Дело в том, что посуда вся была алюминиевая: стояли огромные корыта, над которыми были краны с холодной и горячей водой, а процесс мытья заключался в последовательной передаче посуды из рук в руки – от первого корыта до последнего, полоскательного. Стояли обычно пять человек. Когда передаёшь миску, стуком о край этих корыт обозначаешь, что у тебя всё готово. И можно было добиться определённого ритма, чтобы передача этих алюминиевых тарелок получалась синхронной, под определённый музыкальный ритм. Иногда мы даже ещё и пели. Получалось неплохо, но проблема заключалась в том, что вода не успевала стекать в канализацию и очень часто была не только в корытах, но и на полу. Порой чуть ли не по колено стояли в воде.

И вот, поздно вечером вернувшись с этого дежурства, я почувствовал, что стал прихрамывать – позже оказалось, что даже сапог снять не могу. Повели меня в медсанчасть, там пришлось сапог

разрезать, потому что нога опухла, посинела. Был когда-то натёртый мозоль, и, видимо, от влаги началось заражение, всё ужасно распухло. Одним словом, во вторник, когда моя рота пошла на прыжки, я в сапоге на одной ноге и в тапочке на другой стоял у окна в расположении части и с завистью и тоской, а, если сказать по правде, где-то даже и с каким-то странным чувством, похожим на радость, что в этот раз миновала меня чаша сия, смотрел на своих товарищей.

Когда ближе к ужину мои вернулись в роту, у них гордо на груди на х/б висел знак парашютиста с подвеской, на которой была выбита единица, то есть первый прыжок. Вот тут-то я расстроился не на шутку. Но нога зажила быстро, и через неделю для всех был второй прыжок, а для меня должен был быть только первый.

Первый прыжок – без оружия, с Ан-2, с высоты 800 метров.

Как раз к этому времени выпало довольно много снежку. Мы были в шапках-ушанках, в валенках (которые специальными резинками прикреплялись к ноге, чтобы не слетели в воздухе). Выдался хороший морозный день. И вот мы строем (где бегом, где шагом) пошли на аэродром. Парашюты заранее были нами уложены (каждый свой парашют обязательно укладывал лично и лично потом расписывался в специальной ведомости). Когда пришли на аэродром, нас разбили на корабли (это значит по девять человек: девять курсантов, десятый – выпускающий офицер). Офицер обычно выпускал несколько кораблей и где-нибудь на седьмом или восьмом прыгал сам.

Я обратил внимание, что в том корабле, в котором оказался я, был наш взводный, хотя очень часто попадали к любому офицеру. Внутри фюзеляжа рассаживались таким образом: на сидениях напротив двери садилось пять человек, а по левому борту, где дверь, сидели четыре человека. Прыгать нужно было только после команды выпускающего, когда он хлопал тебя по плечу и говорил: «Пошёл!» Меня посадили так, что я сидел пятым по правому борту, прямо напротив двери. Обычно всех рассаживают по весу – так, что самые тяжёлые прыгают первыми, самые лёгкие – последними. Но я обратил внимание, что шестым, то есть за мной, поставили Славу Поворотного, а он высокий и вес у него чуть ли не в два раза больше моего. Я тогда не понял, почему сделали именно так.

Забегая вперёд, оказалось, что ротный не исключал: вдруг курсант Миронов просто испугался и сачканул первый прыжок под видом того, что у него нога болит, поэтому попросил Славу, если я замешкаюсь, помочь мне, то есть немножечко пинком под зад подтолкнуть. Но Славе этого делать не пришлось.

Честно говоря, уже на поле, сидя (а стоять с парашютом тяжело, парашют вместе с запаской весил 28 килограмм) в ряд по девять человек и перемещаясь с каждым новым вылетом Ан-2 всё ближе и ближе, я чувствовал, что сердце уходило в пятки. Вдалеке были видны раскрывающиеся парашюты, слышны были ликующие крики. У моих однополчан, и у Костика в частности, это был уже второй прыжок. Конечно, Костик во всех красках, да и не только он, рассказал мне все свои ощущения и нюансы, связанные с прыжком. Честно скажу, мандраж был суровый.

Но ещё больше, чем самого прыжка, я боялся, что испугаюсь, струшу и в глазах своих товарищей, а главное – Костика, окажусь отказчиком. И янисколько не сомневался, что прыгну, чего бы мне это ни стоило. У меня было такое ощущение, что, если бы даже парашют с меня сняли, я бы всё равно сиганул в дверь, когда подойдёт мой черёд.

И вот мы в самолёте.

Взревел мотор. «Аннушка» очень быстро разбежалась и взмыла в небо. Это был мой первый в жизни отрыв от земли. Всё было внове, всё было в диковинку, но внутри фюзеляж выглядел точно так же, как на тренажёрах. Сразу же после взлёта поступила команда: «Зацепить карабины». Карабин нужно было всегда цеплять так, как будто ты горло подставляешь под трос. Этому тоже долго и настойчиво учили. Зацепили карабины. Самолёт кругами быстро набирал высоту. Над кабиной лётчиков были три больших фонаря: жёлтый – «внимание», зелёный – «пошёл» и красный – «отставить».

Сначала зажёгся жёлтый, лётчик развернулся в своём кресле и кивнул нашему выпускающему. Офицер, у которого, кстати, карабин тоже был на всякий случай зацеплен, открыл внутрь фюзеляжа дверь. Шум мотора усилился, какие-то рваные клочья облаков, ветер, свист. Первые четверо по левому борту встали, немножко пригнулись и по одному стали подходить к люку. По команде и хлопку выпускающего отталкивались от порожка и быстро исчезали в проёме люка, только болтались, закручиваясь в воздухе, вытяжные фалы.

Подошёл четвёртый, и только он прыгнул, мы по правому борту уже стояли наизготовку, я стоял прямо напротив двери. Лейтенант повернулся было ко мне, чтобы сказать: «Подходи», но я прямо со своего места в два прыжка оказался уже за бортом. Ветер! Меня куда-то крутануло, и в ту же секунду я сначала почувствовал, что кто-то схватил меня за шкурку и через две секунды с шелестом, а потом с резким хлопком, меня сильно встряхнуло – раскрылся купол. Первое, что я почувствовал и услышал, – тишина. После рёва мотора было очень тихо, но меня переполнял восторг, и я заорал что есть мочи. Поорав секунд пять, я вспомнил, что нужно посмотреть на купол. Посмотрел, убедился, что купол полный, стропы не перехлестнуты.

Земли не было видно, потому что была облачность. Я висел, как в молоке, с опаской (с опаской – это я говорю уже из нынешнего времени, а тогда всё сердце наполняла радость, ведь я это сделал, я теперь настоящий десантник, я прыгнул). Правда, поглядывал, нет ли рядом кого-нибудь, чтобы наши купола не сошлись. И ещё в воздухе я подумал: а вот было бы здорово сегодня второй раз сигануть, чтобы у меня тоже было два прыжка, как у всех. Пока эти мысли неслись в голове, а с высоты 800 метров летишь где-то минуты полторы-две, вдруг внизу белизна облаков стала темнеть, и я увидел землю и много-много парашютистов, собирающих парашюты. Там, куда я приближался, вроде было пусто, и мне не грозило кого-нибудь придавить. Я уже, как учили, вытянул сдвинутые вместе ступни в валенках так, чтобы из-под запаски была видна треть моих ступней, и стал ждать землю. Удар оказался очень даже не сильным (всё-таки снег), я завалился набок и быстро, как учили, стал тянуть за нижние лямки, чтобы гасить парашют. Потом даже вскочил и немножко забежал вбок, чтобы ветром (ветерок небольшой был) меня не «потянуло».

На земле, счастливый и радостный, я укладывал в парашютную сумку купол, и вдруг ко мне подбежал наш ротный. Он достал из кармана бушлата маленькую прямоугольную коробочку из серого картона – сердце у меня радостно забило: там был значок парашютиста. Он вручил его мне, сказав: «Молодец, Миронов!» И вдруг предложил: «А хочешь ещё сегодня прыгнуть?» Я удивился, как будто мои мысли прочёл – те, в воздухе. «Конечно», – сказал я. «Давай, бегом!»

И действительно, через полчаса я совершил второй прыжок. Совершил я его уже осмысленно, с чувством, с толком, с расстановкой, задержался на секунду в дверях, посмотрел на выпускающего, тот хлопнул меня по плечу, сказал: «Пошёл». Я оттолкнулся правой ногой и вновь испытал то же самое необыкновенное счастье и радость от второго в моей жизни прыжка.

В расположении роты мы всё не могли успокоиться, и, наверное, не было человека в роте, который бы не выслушал мой рассказ о первых двух прыжках. Самое главное – я не подвёл своих: я не подвёл Костика, роту, я не подвёл воздушно-десантные войска, я не подвёл мудрого военкома города Пушкина.

Армейский порядок

В армии с первых дней приучают к армейскому порядку. Это касается и заправки кровати, и полтенца для ног, которое должно было висеть на нижней перекладине в правой части спинки кровати, а лицевое – вверху и в левой. В тумбочке должен быть определённый набор: мыло, зубная паста, щётка, возможны ещё нитка, иголка, но всё это тоже должно лежать в определённом порядке.

Нужно сказать, что эти постоянные требования идеального порядка, чтобы всё было по линейке, за два года очень сильно въедались и в сознание, и, можно сказать, в кровь. И вот буквально за два месяца перед дембелем в нашем полку должны были устраивать показуху.

Бравые гвардейцы-десантники должны были ложиться на дорогу, по которой поедет танк. Танк наезжал прямо на десантника, лежащего прямо в колее, по которой проходила гусеница. Танк шёл довольно быстро, думаю, километров 20–30 в час, не на полной скорости, конечно. И нужно было, когда танку до тебя оставалось не более трёх метров, быстро откатиться в сторону, в кювет, где лежала приготовленная противотанковая граната, учебная конечно.

После того как танк проезжал мимо, ты должен был по-гвардейски выскочить из кювета, размахнуться что есть силы и бросить гранату в танк. Граната была учебная, там был вставлен холостой винтовочный патрон. При ударе гранаты о броню раздавался хлопок, что должно было свидетельствовать, что танк подбит и ты, гвардеец, молодец, получи с полки пирожок!

Самое интересное, я уже своё за два года службы пооткатывался из-под гусениц, я был гвардии старшим сержантом и в показухе участвовали мои бойцы, а я должен был всё обеспечить, в частности, через каждые двадцать метров по колее должны лежать бойцы и рядом с ними в кювете – заранее положенные туда противотанковые учебные гранаты.

И вот остаётся времени совсем немного, бойцы уже расставлены на расстоянии 20 метров, пока ещё не положены на колею, стоят, а гранаты, конечно, все разложены, лежат ровненько на дне абсолютно чистого, я бы даже сказал, вычищенного от всякого мусора и травы кювета.

Буквально через пять минут должно приехать высокое начальство. Я пробегаю в последний раз, инструктирую бойцов, заодно поглядываю, как лежат гранаты. И тут вижу, что все гранаты лежат как по ниточке, а одна чуть-чуть развёрнута, то есть неровно лежит.

Соскакиваю в кювет и кончиком сапога аккуратненько пытаюсь подвинуть гранату, чтобы она легла ровно. «Бабах!» Явно мой сапог не был бронёй, я помню, что старался сделать движение ногой очень осторожно, но, тем не менее, граната сработала, холостой патрон выстрелил, и пороховые газы долбанули меня в носок сапога. Я почувствовал жуткую боль, глянул на сапог и ничего не понял, потому что подошва была отдельно, верх сапога отдельно, но самое ужасное, там, где должны были быть пальцы, там всё сплющено.

Я охнул, сел на кювет, но тут же подскочили ребята и, опираясь на них, я поковылял на одной ноге в расположение роты. Кое-как стянул сапог, пальцы все были синие, ногти потом на трёх пальцах сошли, но, к счастью, ничего не сломалось, ничего не раздробилось, а сапоги потом я получил новые.

Недели полторы ходил в тапочке и очень переживал: вдруг пальцы не вернутся в исходное положение до дембеля, и как же я поеду на дембель – в тапочке, что ли? До дембеля всё зажило, и домой я ехал бравым десантником-гвардейцем.

На всю жизнь запомнил эту тягу к армейскому порядку и как тогда чертыхнулся: «Какой чёрт меня дёрнул поправить эту гранату? Лежала себе неровно и лежала бы!»

Хотя, если бы вы видели мой рабочий стол в конце рабочего дня, вы бы поняли, что тот армейский порядок въелся в меня навсегда, потому что стол мой в конце рабочего дня в идеальном порядке, в чистоте – ни одной бумажки. И уйти с работы, оставив на столе всё трам-тара-рам, не могу, как бы мне этого ни хотелось.

Всё-таки армейский порядок есть армейский порядок.

На параде

Расскажу на характерном примере, что такое ВДВ с точки зрения дисциплины по отношению к другим родам войск.

7 ноября (это была осень 1973 года) наш полк вместе с другими полками и частями Кировабадского гарнизона участвовал в параде на центральной площади Кировабада напротив Центрального универмага. Сначала были тренировки. Гоняли нас, гоняли, а у нас была сводная «коробочка» – рота, то есть восемь шеренг по восемь человек. Из десантников мы были одни.

Были пехотинцы, танкисты, артиллеристы, связисты, лётчики.

И вот на каком-то этапе поставили нас в «коробках» и приказали всем офицерам собраться для «разбора полётов». Естественно, мы, стоя такой «коробкой» восемь на восемь, остались предоставленные сами себе.

Буквально через 10 минут стояла только наша «коробочка», причём именно стояла – со всех сторон можно было видеть чёткие ряды, чёткое равнение. Впереди молодые – так те вообще чуть ли не по стойке «смирно» стояли. Дембеля находились сзади – не выходя из строя, не делая ни одного шага в сторону, но втихушку в рукав курили. А все другие «коробочки» лежали на газонах, сидели, бродили.

Офицеров не было минут 40. И всё это время наша десантная «коробка» стояла, по сути, не шелохнувшись. Нам было «дикое» видеть, как бойцы других родов войск позволяют себе так выполнять команду «вольно». Этим, кстати, до сих пор славится ВДВ: дух братства, дух взаимопомощи, беспрекословное выполнение приказов командира – суть нашей службы и нашей гордости за ВДВ.

Не жалею

Этот эпизод оставил очень глубокий след в моей жизни, эпизод, который очень хорошо показывает, что такое ВДВ, а может быть, и объясняет, почему я так горжусь, что служил в десанте, и почему для десантника действительно свят и дорог его род войск.

В нашей роте служил парень, почему-то мне кажется, что звали его, как и меня, Сергей, и даже фамилия вспоминается – Морозов. По-моему, был он из Москвы. До армии он окончил швейное профтехучилище и был, наверное, портным.

Естественно, узнав, какая у него специальность, начальство сразу же после карантина его определило служить на склад парашютно-десантной службы, где он занимался по своей профессии – на швейной машинке чинил, латал парашюты, различные детали к нему (купола и так далее), которые, конечно же, рвались после каждых прыжков. Работа у него была не пыльная, он не посещал боевые занятия, даже, по-моему, в столовую ходил отдельно от нас. Мы его практически не видели, приходил он только спать в расположение роты.

И вот, по-моему, это было весной 1973 года, врать не буду, не помню, одним словом, должны были быть крупные учения, минимум дивизионные. Вдруг этот Серёга говорит: «Я хочу прыгнуть – скоро на дембель, а у меня всего три прыжка». Ему говорит начальство: «Ты должен на площадке приземления парашюты собирать» (потому что во время боевых учений мы бросали парашюты на площадке, а не собирали их, как во время тренировочных прыжков).

Но он настоял на своём. К сожалению.

Наступил день учений. Погода была хорошая, солнечная, тепло. Когда я выпрыгнул с Ан-12, лёг на поток, раскрыл купол, то увидел красивейшее зрелище – почти тысяча куполов в небе. Я быстро оглядывался: нет ли кого рядом, чтобы не сойтись. И вдруг услышал крик, причём это не один человек кричал, а кричали сразу несколько десятков, а может быть, и сотен, а уже через долю секунды кричали все, потому что мы видели, как камнем к земле летит комок спутанных куполов, и мы понимали, что ничего сделать нельзя.

Было понятно, что там даже не один купол, а как минимум два.

Это значит – кто-то сошёл в воздухе, кто-то кому-то пробил купол, и теперь надежда была только на то, что они смогут стропорезами отрезать запутавшийся купол, оттолкнуться друг от друга и открыть запаски.

Перед самой землёй действительно вроде бы показался купол запаски, но было поздно. В ужасном состоянии мы приземлялись, но боевая задача есть боевая задача. И площадка приземления должна быть покинута не более чем за 40 минут. Мы пошли в наступление. Учения длились, по-моему, трое суток.

Уже вечером этого дня мы узнали, что наш сослуживец Серёжка Морозов погиб. Ещё мы узнали, что к нему в купол попал офицер, лейтенант, и он тоже погиб. Но о том, что и как происходило, мы узнали на подведении итогов учений от нашего комдива – гвардии генерал-майора Спирина.

Вот что мы узнали, когда он, проглатывая комок слёз, в микрофон рассказывал нам, как всё это случилось.

Сергей выпрыгнул, купол раскрылся нормально, то ли следующая тройка «кораблей» шла чуть-чуть пониже, то ли ещё какие-то обстоятельства (так и осталось непонятным) – одним словом, неожиданно его купол пробивает другой парашютист, лейтенант (фамилии я, к сожалению, не помню). А у Серёжки это четвёртый или пятый прыжок.

Нас готовили к таким ситуациям: первое, что необходимо сделать, понимая, что твой купол пробит и смят и он уже не расправится, – перерезать стропы, отлететь в свободном падении и в чистом небе открывать запаску.

А Серёжка, увидев нештатную ситуацию, тут же дёрнул свою запаску. Купол лейтенанта тоже уже был раскрыт, он раскрылся автоматически, и два купола просто сплелись. Запаска Серёгина тоже примешалась сюда – это был огромный комок перкаля и капрона.

У лейтенанта оставалась его запаска, и он мог спастись, ему просто нужно было отрезать свои стропы, отбросить комок куполов вместе с Серёжкой и в чистом небе раскрыть свою запаску, и тогда бы лейтенант остался жив. Но это был лейтенант воздушно-десантных войск, и он поступил так, как и должен поступать настоящий офицер, настоящий десантник.

Он не бросил Сергея, он стал пробовать вырезать запутавшиеся стропы и купола с тем, чтобы освободить свою запаску и отбросить купол своей запаски в сторону, при этом одной рукой он держал соскальзывающего на стропях Сергея.

Лейтенант боролся за обе жизни до конца, до земли. Перед самой землёй, как мы видели, он всё-таки успел выбросить запаску, но раскрыться ей уже не хватило времени. Сергей погиб сразу же, а лейтенант, когда к нему подбежал комдив, был ещё жив. Наверное, не было ни одной целой кости – удар был страшный, но он был в сознании. Тут же подлетел вертолёт. Когда лейтенанта поднимали, он кричал, потому что любое движение приносило невыносимую боль.

Комдив сел в вертолёт вместе с лейтенантом, и они полетели в Тбилиси – ближайшее место, где был мощный военный госпиталь. В вертолёте лейтенант потерял сознание, потом, видимо, от тряски вертолёта, пришёл в себя, открыл глаза (а за руку его держал комдив), увидел комдива, узнал его и сказал всего лишь два слова: «Не жалею!»

Когда мы услышали это от комдива, у нас у самих комок в горле стоял, да собственно, многие заплакали. Ужасно было жалко Сергея, жалко было лейтенанта, но что-то иное заставляло глаза наполняться слезами, и челюсти наши сжимались так, что ходили желваки, потому что мы поняли, о чём не жалел лейтенант.

А не жалел он о том, что выбрал профессию – Родину защищать – и выбрал воздушно-десантные войска. Ведь по-человечески в такой ситуации можно было сказать: «Да будь проклят тот день и час, когда я поступил в Рязанское десантное училище! Зачем я выбрал себе такую судьбу?!»

Но лейтенант сказал так, как сказал: «Не жалею!»